

В.Г. Вольвач

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС И НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

4.2. Взаимодействие личности и общества как основа национального менталитета

Общий ретроспективный взгляд на историю предыдущих «перемен центров жизни» и соответствующих изменений в развитии национального духа позволяет выделить их одну общую черту, касающуюся взаимодействия с западноевропейской традицией, культурой, системой ценностей. Допетровская Русь развивалась вне сколько-нибудь значительных контактов с Западом, ориентируясь в большей степени на Византию. Когда возникла необходимость усиления индивидуализации общественной жизни, эти контакты возникли через «прорубленное Петром I окно в Европу». И в XVIII, и в XIX вв. влияние европейской культуры на наш национальный характер неоспоримо. В XX в. это самое окно закрылось настолько, насколько это было возможно при современных средствах коммуникации. Россия как бы снова вернулась от индивидуализации к приоритетам общинности и коллективности, к господству государства над частной жизнью граждан.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в основе своей предыдущая история развития нашей национальной идеи – это периоды колебаний между устройством жизни на принципах индивидуальной свободы (характерной для европейской традиции), и общинным духом, понимаемым и как соборность, и как коллективность. В связи с этим есть смысл попытаться ближе рассмотреть первоосновы этих принципиально разных систем ценностей, но находящихся в диалектическом взаимодействии в рамках единой социальной системы, основанной на понятии интереса.

Интерес, понимаемый как совокупность долговременных желаний и устремлений, можно сказать, лежит в первооснове любой социальной системы человеческого общества. Причем, интерес общества в целом, государства складывается из сочетания разнородных интересов социальных слоев и групп и все, в конечном итоге, спускается до самого фундамента, в основании которого лежит первокирпичик – интерес отдельного человека, или индивида.

Из чего же состоит этот начальный, атомистический, но очень сложный по своей внутренней структуре элемент? Он действительно подобен атому, который, такой простой с виду, внутри себя содержит многообразие Вселенной. Даже в самых простых устремлениях – к продолжению рода, свободе, счастливой жизни, человек не может разобратся столько лет, сколько он сам существует, ибо не только разные, но и одни и те же люди с течением времени так различно начинают понимать, в чем счастье, за счет чего свобода, во имя чего продолжать род? Здесь куда ни глянь – все миф, все обман, все тайна, ибо то, что казалось очевидным вчера, сегодня уже кажется безнадежно устаревшим. Есть вечная божественная истина, которая выше интереса отдельного человека, и есть люди, постигшие ее, и служащие ей, подчинив этому собственное «я»; есть и противоположные, для которых «я» – это центр всей жизни, и все, находящееся за пределами личного интереса, просто не существует.

Но это крайности, это исключения. А обыкновенная жизнь – это постоянная борьба между личным, индивидуальным интересом и вечной истиной, идущая от века борьба в вечной же и недостижимой попытке прийти к полной гармонии. Когда эта гармония

будет достигнута, жизнь остановится. Система, не содержащая внутреннего противоречия, мертва, ибо в ней нет источника движения.

Конечно, определять все интересы, отличные от индивидуального, как «божественную, вечную истину» можно лишь с известной долей лукавства, но это необходимо сделать для того, чтобы избежать одного распространенного заблуждения. Оно состоит в том, что групповые, любые общие интересы понимают как простую усредненную совокупность индивидуальных интересов, между тем это совершенно не так.

Любой интерес, лежащий за пределами личного, не только соотносится с личным, но и в известной мере противостоит ему. Следовательно, он как бы имеет даже совершенно иную природу, чем личный, он не вытекает из личного, а задан извне, подкреплен действием объективного закона, независимого от воли отдельного человека.

Каждый человек, таким образом, существует в двух ипостасях:

- внутри себя, когда он обитает только в рамках собственной души и личных интересов;
- в мире, когда он актуализируется в отношениях с социальной средой, со всей окружающей его реальной действительностью.

Общество, основанное на приоритете индивидуальной свободы, в своей основе имеет человека, отличающегося от человека, составляющего основу общества общинного, коллективистского. Отличие это вовсе не в том, что первый имеет ярко выраженную индивидуальность, а жизнь души у второго растворена в общинных формах.

Индивидуальное начало и свобода его выражения изначально присущи каждому человеку. Но индивидуальная свобода предполагает более высокую степень независимости индивида от окружающей социальной среды, т. е. большую степень замкнутости, изолированности той жизни, которой живет его собственное «я» от жизни общества. Традиционная для Запада индивидуализация предполагает существование индивида как способ экстраполяции его личного интереса на социальную среду.

Существуя в рамках собственной духовной сущности, человек ничем не ограничивает собственные устремления, желания, мечты, они могут принимать самый смелый, самый дерзкий характер. Иное дело, когда эти устремления и желания реализуются в социальной среде, здесь пределы возможного определяют объективные законы существования этой самой среды, здесь личный интерес человека встречается с интересами других людей и от этого взаимодействия (на Западе – на сугубо рационалистической, прагматической основе) рождается некая социальная роль, которую исполняет индивид.

Грань, отделяющая жизнь индивида внутри себя от жизни вовне, есть результат диалектического противопоставления личного интереса и интереса общественного. Чем сильнее выражено в обществе индивидуальное начало, тем более жесткой и четкой является эта грань, тем более отличается внутреннее «я» человека от социальной роли, которая предполагает подчиненность неким стереотипам сознания и стандартам поведения. На Западе в целом, в американском и британском обществе, в частности, существует даже целостный образ, имидж среднего человека, как неизменно улыбчивого, доброжелательного к окружающим, корректного и законопослушного.

С прагматической точки зрения именно эта социальная роль является наиболее рациональным способом реализации личных интересов каждого индивида. Стало уже расхожим мнение иностранцев, побывавших в России, о неулыбчивости русских, о недоброжелательном, с точки зрения окружающих, выражении их лица, что свидетельствует якобы о дикости наших нравов. Иное дело цивилизованный американец

– всегда улыбчивый, всегда в хорошем настроении, показывающий всем окружающим, что у него дела обстоят прекрасно.

Русским это непонятно. Поскольку с их точки зрения, если душа человека открыта, то ее состояние не может не быть отражено на лице; искренность – одно из главных положительных качеств человеческой личности. С другой стороны, внутреннее состояние человека не может быть постоянно безоблачным, время от времени оно отягощено проблемами и переживаниями, и состояние озабоченности, говоря простым языком, должно быть написано у искреннего человека на лице. Значит человек, который всегда, во всех случаях, независимо от ситуации улыбается, по мнению русских, либо неискренен, либо идиот.

Следует еще раз подчеркнуть, что в обществах восточной культуры индивидуальность у людей выражена не менее, а может быть, более ярко, поскольку не стеснена рамками узкой замкнутости, но упомянутая грань, отделяющая личное «я» от социальной среды, как бы размыта, прозрачна. Пределы души, как например, в нашей национальной традиции, раздвинуты до границ социальной среды, которая чаще всего предстает в виде общины.

Именно этим община (у нас в последнее историческое время она может приобретать форму трудового коллектива) отличается от аналогичного западного социального образования, чаще всего именуемого понятием «команда». В команде индивидуальная замкнутость не нарушается, члены ее объединены только в рамках решения деловой задачи. В общине же душа человека предполагает открытость, и даже не интегрированность, а некую совместную жизнь.

Два важных следствия вытекают из этого основополагающего отличия традиционного для Запада национального духа и, скажем, российского. На Западе равенство понимается как равенство возможностей (т. е. только предполагаемое, существующее в известной мере только теоретически) при сложившемся для реализации этих возможностей фактическом неравенстве, при разветвленной градации социального статуса. В России равенство – это то равенство, которое существует между членами одной семьи несмотря на разницу в возрасте, жизненном опыте; т. е. это равенство как бы от Бога, оно неизменно и не зависит от реальных жизненных обстоятельств, от возможностей самого индивида. В общине люди равны по отношению к некоей внешней среде, к обществу в целом, т. е. в фундаментальных своих правах, но могут быть неравны, в соответствии с заслугами, внутри самой общины.

Нагляднее всего это выражается в сущностных отличиях православной и западной (католической и протестантской) религии, что отмечает К.П. Победоносцев: «Ни в чем так явственно, как в церкви, не ощущается различие между общественным духом и складом англо-саксонского и, например, русского племени. В английской церкви сильнее, чем где-либо, является у русского человека такая мысль: много здесь хорошего, но все-таки – как я рад, что родился и живу в России. У нас в церкви можно забыть обо всех сословных и общественных различиях, отрешиться от мирского положения, слиться совершенно с народным собранием перед лицом Бога. Наша церковь большей частью и создана на всенародные деньги, так что рубль от гроша различить невозможно; во всяком случае, церковь наша есть всенародное дело и всенародное достояние. Оттого она всем нам вдвое дороже, что, входя в нее, последний нищий чувствует совершенно так же, как и первый вельможа, что это – его церковь. Церковь – единственное место (какое счастье, что у нас есть такое место!), где

последнего бедняка в рубище никто не спросит: зачем ты пришел сюда и кто ты такой? – где богатый не может сказать бедному: твое место не возле меня, а сзади. Делая скидку на некоторую идеализацию отношений, допущенную К.П. Победоносцевым по понятным и объяснимым причинам, мы должны признать, что реальное российское общество было не совсем таким, как оно рисуется обер-прокурору святейшего Синода, или, может быть, даже совсем не таким. Но только и пресловутое равенство возможностей, лежащее в основании американского представления о свободе, в реальной жизни тоже не так безусловно. К.П. Победоносцев говорит об идеале, в котором отражена сущность, и если мы хотим понять суть национального духа, то должны заранее представлять, что в реальной жизни эта суть может быть растворена во множестве частных и редко встречается в чистом, так сказать, виде. Таким образом, главное отличие западного человека от нашего в том, что его жизнь «внутри себя» и его социальная роль четко разграничиваются, причем основное противоречие индивидуализированного западного общества – это противоречие между многообразием и неповторимостью личностных характеристик индивидов и типизированностью, стандартностью социальных ролей. Только на протяжении последнего времени, скажем, полувека, это противоречие находило выражение в различных антиконформистских социальных движениях – битников, хиппи и др. Благодаря тому, что в российском национальном характере внутренняя жизнь души как бы совпадает с его социальной ролью (этим «как бы» мы определяем, что полного совпадения все же нет), в российском общественном сознании упомянутое противоречие имеет свою специфику. Общество постоянно находится в сомнении относительно пределов своего вмешательства во внутреннюю жизнь индивида, оно никак не может определиться, где заканчивается личное и начинается общественное, до какой степени должна быть ограничена свобода личности общественными, государственными институтами и механизмами. В частности, отсюда – особая роль государства для российского общества, которое на протяжении всей истории стремилось регулировать не только общественную, но и частную жизнь граждан, и даже личную, вплоть до интимной, либо шарахалось в противоположную крайность и демонстрировало полную отстраненность при защите прав рядовых граждан. Массу примеров подобного поведения можно найти и в XX в.